

УДК 781.033:782

Галина Волкова

РИТУАЛ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследованы особенности проявления ритуальности в условиях посткультурного пространства социума. Рассмотрены специфику выявления ритуальности и ритуализованных форм отношений в музыкальной и музыкально-дидактической сфере. Охарактеризованы особенности проявления позитивных-отрицательных, по Э. Дюркгейму, ритуальных акций в музыкально-творческой сфере.

Ключевые слова: ритуал, посткультура, культурные ценности, музыкальный компонент ритуальной деятельности.

Галина Волкова

РИТУАЛ ЯК ЯВИЩЕ КУЛЬТУРИ ПОСТКУЛЬТУРНОГО СУСПІЛЬСТВА

У статті досліджено особливості виявлення ритуальності в умовах посткультурного простору соціуму. Розглянуто специфіку виявлення ритуальності і ритуалізованих форм відносин у музичній та музично-дидактичній сфері. Охарактеризовано особливості прояву позитивних-негативних, за Е. Дюркгеймом, ритуальних акцій у музично-творчій сфері.

Ключові слова: ритуал, посткультура, культурні цінності, музичний компонент ритуальної діяльності.

Galina Volkova

RITUAL AS A CULTURAL PHENOMENON OF THE POST-CULTURAL SOCIETY

This article studies the features of display of rituals in the post-cultural society, as it proceeds from the works of A. Baiburin, V. Kunitsyna, V. Turner, V. Toporov, especially Emile Durkheim, when the diffusion of inertia of rational mindsets of the social being and irrationalizing trends in the relationship in the society lift the mechanisms of ritual actions to gain the very significant weight and relevance. The utopia of "social conflict", its free "conversion" in the favor of a completely aligned individual that has been an energy reserve of the transforming efforts of the Modern Times have been destroyed. What is left is the trust to a particular group, outside of which it is impossible for an individual to achieve accomplishments and which "incorporates" the individual volitions "synergizing" them by terms of communications, opposing information entropy of individualistic outputs. It is the group – the society uniting them by distinguishing communications and experiences individualized in this society, that is the source of the societal, outside of which not only socially meaningful behavior, but also instructive-cementing jointly valued knowledge is impossible.

The specific softdetection of rituals and ritualized forms of relationships in the musical, musical-didactic area have been studied. The comprehension of the effectiveness of the ritual, coming after its implementation, creates a belief that the properly executed actions yield the desired result. Permanent and systematic execution of rituals has resulted into a gradual development of the social category of causality, different from the natural (scientific) causality. However, the psychological setting born by the ritual mobilizes attention to a socially useful direction, and the perfect result becomes the property of the collective subject of the group-community.

The features of manifestation of positive-negative, according to Durkheim, ritual actions in the musical and creative field as a concentration of theatric components of the social being life in general have been characterized. In the educational process the academic calendar grid of concerts in music schools of different stages by the most stable and emotional coloration of solemnity itself correlates with rituals of calendar nature-honoring festivals in a traditional society. Rituals are present in the

process of preparing for the concerts, where pragmatics of preparatory work for “the introduction of a student in the form of readiness” is connected to psychological training of “preparedness”, followed by “musical offering” as such. An analogy can be traced with liturgical acts of the Christian service, in which the prepared to Eucharist (cf. the Liturgy of the catechumens in Orthodoxy, with the story of the Last Supper in the first part of Bach’s Passion) is replaced by the symbols of the sacrifice (the Orthodox Liturgy of the Faithful, the story of Jesus’s Accomplishment in the second part of Bach’s Passion). The ritual of Initiation, having given rise to multiple forms of initiation rites, is observed in established festivals of “first” and “last” calls at schools of general education and music. A sacred idea of the Transfiguration, leading all educational efforts of the subjects of the corresponding system, stands behind this transformation of the social dimension.

Key words: *ritual, post-culture, cultural values, musical component of ritual action.*

Актуальность темы исследования определена посткультурным состоянием современного общества, которое, очевидно, отмежевывается от временем апробированных традиций. Вместе с тем, сама искусственность (противоприродная направленность) позитива человеческого делания, называемого культурой, подвигает к идее выработки новых принципов, исходящих из начальных оснований бытия людей, культурный стержень которого формировался через ритуальную сферу.

Исследование проблем, относящихся к ритуалу, началось ещё в конце XIX в. В работах У. Робертсона-Смита [23], Э. Дюркгейма [4], Дж. Харрисона [22] и других авторов подчёркивалась принадлежность ритуала к сфере сакрального, нерационального, неутилитарного в противоположность профанной, утилитарной, рациональной повседневной деятельности. В функционализме ритуал рассматривался по существу как символ, выражение социальных отношений. Э. Дюркгейм разработал подробную классификацию ритуалов, разделив их на негативные, или аскетические, и позитивные [4]. А. Ван Геннеп исследовал и описал церемонии, связанные с кризисами индивидуального жизненного цикла и событиями календарного цикла, объединив их в категорию обрядов перехода [3]. Символика ритуала стала одной из главных тем французского структурализма (К. Леви-Стросс), рассматривавшего его как знаковую систему [8]. В этологии (К. Лоренц) и этнологической антропологии ритуалы рассматриваются как модели поведения, выполняющие главным образом коммуникативную функцию, а также функции контроля агрессивности, консолидации групп и формирования системы культурных символов [9]. Важный вклад в изучение ритуала внесли также В. Тэрнер [16], М. Элиаде [21] и другие зарубежные авторы.

Цель работы – выявление ритуальных стимулов культурных акций, в том числе музыкального обучения-образования и творчества как такового. Общество как реальность *suígeneris*, – реальность особого рода, возникает на основе общих для группы практик, исполнение которых и порождает реальные социальные силы, а “давление” социального, его воздействие, которое ощущают члены группы, выступает в ипостаси атрибутивного и неустраняемого фактора. Так разрушается утопия “противостояния обществу, его свободного преобразования” в пользу совершенно выстроенного индивида, которая составляла энергетический резерв всех преобразовательных действий Нового времени.

Остается – доверие к конкретной группе, вне которой невозможна реализация индивида и которая “вбирает” индивидуальные воления, “синергируя” их условиями коммуникации, противостоящей информационной энтропии индивидуалистских выходов. Именно группа – сообщество, объединяемое их выделяющим общением и индивидуализированными в этой общности переживаниями, и есть тот исток социального, вне которого невозможно не только социально осмысленное поведение, но и цементирующее инструктив совместно ценимое знание.

Соотношение познания и общественной организации, эпистемологии и социологии – одна из ключевых тем работ Э. Дюркгейма: отказавшись от характерного для философии Нового времени представления о врожденных идеях, прежде всего, пространства и времени, он стал рассматривать эти идеи, отсутствующие в индивидуальном опыте, как существующие в социальном опыте группы в виде коллективных представлений, порождаемых совместными – и

прежде всего ритуальными (или ритуализованными, как мы увидим впоследствии) групповыми практиками [4].

И если коммуникационная всеохватность современности позволяет осознавать планетарное людское сообщество как “большую деревню”, в котором индивид и окружение не образуют дистанцированных сущностей, то и подходы Э. Дюркгейма оказываются актуализованными в параллелях к ритуально-обрядовой объединенности деревенского “общезития”, хранящего память о раннесоциальных ценностях человеческой культурной первичности. И если марксизм интересовался первобытным коммунизмом как моделью социальной уравниности людей, то в исследованиях социолога-эпистемолога Дюркгейма проакцентировано психологическое единство познавательной и умотворческой деятельности, реализуемой в церемониально-ритуальной практике сообществ.

Весьма подробно Э. Дюркгейм разбирает ритуальные практики, которые порождают категории познания [19]. И сакральное, в трактовке Дюркгейма, выполняет самостоятельную эпистемологическую функцию, что позволяет выявить глубинную связь между групповым социальным опытом и коллективными представлениями. И это обстоятельство, как мы увидим далее, крайне важно для анализа воспитательно-образовательного процесса современности, в котором интеллектуальное осознание образует далеко не решающую часть познаваемого, поскольку неосознанно вбираемые сведения важны и верны не менее, чем те, которые доступны разумному сознанию воспитуемого-образовываемого [19, с. 8].

В качестве примера рассматривается категория причинности, источником возникновения которой является культ предков. Важнейшей составляющей этого культа является обряд оплакивания покойника, в котором участвует вся группа [19]. Ведь что такое означает коллективная печаль социально сплоченной группы? В ней отражается глубинное ощущение бреши, потери как ее ослабления, для ликвидации которой все ее члены должны собраться вместе и обрести в ритуале свое новое единство и силу (примером использования этой акции может служить церемония отпевания и коллективного прощания с погибшими на киевском Майдане в 2014 году).

Осознание эффективности ритуала, приходящее после его осуществления, создает представление о том, что правильно исполненные действия дают желаемый результат. Следствием постоянного и систематического исполнения ритуалов становится постепенная выработка социальной категории причинности, отличающейся от природной (естественнонаучной) причинности; различие в том, что в случае ритуала не виден результат изменения (появление новой силы и сплоченности), тогда как в другом случае налицо изменение внешних объектов как результат наблюдаемых воздействий сил природы. Однако психологическая установка, рождаемая ритуалом, мобилизует внимание в социально полезном направлении, и этот идеальный результат становится достоянием коллективного субъекта группы-сообщества.

Э. Дюркгейм показывает, что сходные переживания возникают в ходе разных ритуалов, приводя к появлению совпадающих категорий: та же категория причинности может возникать в процессе выполнения ритуалов имитации. Повторяющиеся с определенным интервалом календарные обряды, связанные со сменой сезонов и ритмов трудовой деятельности, порождают категорию времени, а тотемические ритуалы – порождают типологии и классификации и т. д. Религия выступает как инструмент, обеспечивающий регулярное выполнение этих практик [19, с. 10]. А ритуальные акции становятся умовоспитующими факторами, направляющими мыслительную энергию в русло совокупной деятельности индивидов.

По наблюдению автора данной работы, эти категории причинности, типологически-классификационной интеллектуальной выраженности порождаются и в процессе музыкально-творческой деятельности, формируются в воспитательно-образовательном процессе школьных занятий. В творческой деятельности практика обучения ритуализует проявление волнения перед началом работы над новым произведением, перед выходом на сцену, создает предощущение вдохновения. В образовательном процессе – стержневым является четкий календарный план с обрядами-ритуалами первого и последнего звонков, посвящения в

гимназистов-школьников, студентов, в музыкальных школах в музыканты. Иницирующими процедурами при переходе из класса в класс, с курса на курс становятся экзаменационные испытания, жесткость проведения которых исторически сопряжена с обрядами инициации глубокой древности.

Существенно объяснение ритуальных действий для свершающих их, а это, по Дюркгейму, как правило, происходит после осуществления ритуала, а сами объяснения выполняют преимущественно функцию легитимации совершенных действий, используемые при этом словесные выражения – формулы действий, из которых со временем формируется ритуальный канон как основа регулярности и всеобщности принятых ритуальных форм.

Данная разработка идей ритуалики существенна в посткультурной ауре современного “посткультурного” общества, в котором методологический деятельностный плюрализм оппонирует направленности, то есть управляемым интеллектуально-дифференцированным осознанием усилий ушедшей эпохи (см. симптом исчезновения направлений в художественной полистилистике поставангарда) в решении общественно-полезных акций. Конечно, ритуальная практика Нового времени замечательно подкрепляла рационально-волюнтаристски найденные решения. Однако ставка на сознание-осознание была ведущей и в образовании-воспитании, и в культуре социально-политических выходов.

Детищем посткультурного общества стали “революции”, в организации которых явно задействован гомилетический опыт приобщения, тогда как революционные акции Нового времени и Новейшей истории XX века питались наглядно-силовым давлением прорывающихся к власти групп и классов. Ритуализация революционных (и контрреволюционных) выступлений в последние десятилетия имеет достоинством купирование откровенной агрессии заинтересованных групп-слоев, – в этом долгожданные прогнозы благого преобразования общества, явно уставшего от мировых войн и всемирных революций.

Проблема функций ритуала решается в зависимости от того, как понимается связь между ритуалом и повседневной жизнью. В одном случае предполагается, что ритуал есть явление, производное от быта. Эта точка зрения весьма распространена. Именно для нее характерно понимание ритуала как разновидности обычая. В другом случае утверждается противоположное влияние ритуала на быт. Ритуал понимается как некий механизм, регулирующий или санкционирующий явления повседневной жизни. В обоих случаях имеет место презумпция наличия связей между бытом и ритуалом. Им противопоставлен взгляд на ритуал как на нечто самоценное и самодостаточное, не имеющее связей с бытом [1].

В рамках первого подхода ритуал наделяется разнообразными функциями. Одним из первых к проблеме функций ритуала специально обратился Э. Дюркгейм в третьей части своих “Элементарных форм...” [4]. Подход к этой проблеме определялся его общей теорией религии, в которой он видел символическое выражение социальной действительности, абстрагируясь от очевидной в религиозной философии о. П. Флоренского идеи надсоциальной устремленности к Божественному Совершенству, которая породила классические мировые религии и нравственную ответственность индивида за свершаемое, называемую в Православии Страхом Божиим [5].

Ритуал – это осуществляемая в виде церемониала совместная деятельность условного характера, предполагающая участие двух или более лиц, несущая в себе особый эмоциональный заряд и часто сакральный смысл, фокусирующаяся вокруг четко определенного набора социальных объектов и дарующая участникам специфическое чувство торжественности реального бытия и одновременно выхода за пределы обыденного в реальности. Ритуал может возникнуть из любой сферы групповой жизни. Ритуалы почти не допускают вариаций и совершаются под строгим контролем за соблюдением норм взаимодействия участников [12].

Напрашивается соображение, что в любое проявление искусства заложен ритуальный стержень, формирующий особый эмоциональный заряд и ощущение сакральной наполненности, что детерминировано историческими ритуально-обрядовыми истоками всех художественных акций. Поэтому цепочка автор – исполнитель – реципиент самой связью взаимодействия формирует чувство выхода за пределы бытовой реальности, не отрываясь при этом от конкретики мироощущения в пределах “второй реальности” артистического выступления.

Исполнение ритуала обладает чертами драматического действия и подразумевает проигрывание в лицах представлений о своей культуре и мире в целом, разделяемых определенными группами людей [2]. Но ритуал никак не является театром и театрализованным художественно-самозначимым искусством, демонстрируя сформовано-упорядоченно подаваемую самую жизнь.

Эмиль Дюркгейм подразделял ритуалы на две категории: положительные и отрицательные, или сакральные и мирские. Положительные ритуалы сводят участников вместе и, таким способом, поддерживают их социальные отношения и позволяют делать разного рода приношения, включая акты дарения и приветствия. Отрицательные ритуалы (или ритуалы избегания) защищают одних людей и их собственность от посягательств других [13]. Их часто именуют термином “табу”. Нужно отметить: если в положительных ритуалах музыкальное начало играет большую роль, то отрицательные – не содержат музыкального компонента вообще.

В этом плане концертное выступление как деятельность составляет звено положительных ритуалов, чувство радости обязательно должно присутствовать у исполнителей, “заражая” слушателей этой надобыденной эмоциональностью, даже если в создаваемой иллюзорной “второй реальности” представлена драма-трагедия жизненных перипетий. В сфере музыки В. Холопова четко выделила модели “музыкальных” эмоций как тех, в разнообразии выражения которых фундаментом становится “эмоция радости” [18]. И такого рода “искусственность” художественных эмоций является показателем далеко не одной сферы музыки, а истоком указанной искусственности оказывается эмоциональный тонус “позитивных” ритуалов.

В обыденном сознании понятие “ритуал” чаще всего связывается с религиозным предназначением. Вместе с тем, все исследователи ритуалов отмечают ряд характеристик ритуального поведения, которые не имеют религиозной или магической окраски, но являются для него обязательными. Как это отмечено в работе В. Куницыной [7], к их числу относятся (в скобках обозначены далее сравнительные характеристики с религиозными акциями):

1) упорядоченность действий в ритуале, их стандартизированный набор, стереотипичность (в религиозном ритуале всегда есть субъективность проповедничества);

2) символический характер ритуальных действий, выражающих в стилизованной явной форме определенные ценности или проблемы группы или индивида (религиозный символизм гораздо многосоставнее и “плотнее” в смысловом наполнении, как подражания абстракции Идеального);

3) устойчивость во времени, повторяемость, воспроизводимость: слова и действия, составляющие ритуал, определены очень точно и мало изменяются, если вообще изменяются, от одного случая совершения ритуала к другому (динамика-вариабильность сложной религиозной ритуалики);

4) жесткие санкции в случае отклонения участников от правил поведения (откровенно более сложная поведенческая регламентация верующего);

5) неутилитарность, отсутствие материально фиксируемого результата, непосредственной целесообразности в ритуале, его отличие от “рациональной”, практической активности (последнее совпадает с религиозной церемониальностью).

Определение социального ритуала, учитывающее перечисленные выше черты, звучит следующим образом. Социальный ритуал – это исторически сложившаяся форма неинстинктивного, предсказуемого, социально санкционированного, упорядоченного символического поведения, в котором способ и порядок исполнения действий строго канонизированы и не поддаются рациональному объяснению в терминах средств и целей, то есть отсутствует полнота осознания смысла действий. Как видим, признаки социального ритуала прослеживаются в творческом процессе обучения и воспитания музыканта, хотя эстетические критерии, соответственно, вносят особого рода целесообразность и смысл в этого рода деятельность.

Практически все исследователи выделяют следующие функции социальных ритуалов:
– коммуникативная функция;

- функция мировоззренческая (формирование системы культурных символов);
- функция социализации (социальное воспитание, трансляция опыта, социальных и трудовых навыков от поколения к поколению);
- функция социального контроля;
- функция укрепления сплоченности группы;
- функция регулирования психической стабильности, создания уверенности в трудных и кризисных ситуациях (в период кризиса следование ритуалам может снимать ощущение тревоги и неблагополучия, тем самым вызывая у людей положительные эмоции).

Сравнение функций ритуала и искусства музыки выводит на значимые параллели. Особенно это касается функции социального контроля, в которой прослеживаются аналогии в музыке: представляемое нравится или не нравится, чувствуешь общность или нет. Недаром Э. Дюркгейм, как отмечено выше, отмечал наличие музыкальных компонентов во всех позитивных ритуалах.

Проведение аналогий с образовательным процессом создает также очевидные соотнесенности, хотя чувство стабильности, вырабатываемое ритуальными действиями, не совпадает с конечной целью образовательных занятий как способность все более расширять круг осведомленности-обученности. Иллюстрация – знаменитая притча Древности о малом и большом кругах, очерчивающих условно охват знаний невежды и мудреца, с выводом о несравнимо большей линии окружности у второго, а, значит, соприкосновения второго со сферой непознанного, должно быть охваченным познанием.

Одно из важнейших следствий ритуала (как религиозного, так и бытового) – психотерапевтическая компенсация, которая заключается в осуществлении общения, объединении людей, преодолении одиночества, чувства тревожности, разлада с собой, отчужденности, обособленности и дает человеку чувство принадлежности к группе – социальной, половозрастной, этнической, профессиональной.

Итак, ритуал превращает сложные переживания индивида в согласованную систему символов, предлагает ему образ простого и упорядоченного мира. Когда Э. Дюркгейм называет общество религиозным феноменом, то это – идея, заимствованная у Н. Фюстеля де Куланжа [16], правда, перевернутая “с ног на голову”: для Дюркгейма именно структура общества объясняет религиозные идеи, а не наоборот (как у Фюстеля). Отталкиваясь от идеи, что ритуал представляет собой орудие господства, Дюркгейм развивает ее: ритуал, задающий определенные конфигурации социальных взаимодействий, “производит” религию – мощную моральную силу, служащую фундаментом общества всегда, при всех структурах и режимах – орудием легитимации господства.

Подробное рассмотрение ситуации с изучением ритуалов в XIX – начале XX вв. дано в книге выдающегося французского антрополога Арнольда Ван Геннепа “Обряды перехода” [3]. Гиперкритическое отношение к идеям, высказанным в этой книге со стороны Марселя Моссана страницах влиятельного журнала *Anneesociologique* [11] по отношению к тогда малоизвестному ученому, предопределило весьма прохладное восприятие книги Геннепа научным сообществом. Однако история рассудила по-своему – с течением времени работа Геннепа приобретала все большую известность, а ее автор – признание. Выдающийся британский социолог Виктор Тэрнер через полвека – в середине 1960-х годов – обратился к работе А. ван Геннепа, идеи которой сформировали его “прозрение” как формирование нового взгляда на африканские культы и культуру [16]. В этом же направлении выстроена книга Р. Коллинза “Четыре социологических традиции” [6].

Специальной значимостью отмечена книга Дюркгейма “Элементарные формы религиозной жизни”, посвященная анализу австралийского тотемизма (1912 г.). Проблема возникновения религии и понятие сакрального рассматривается им в завершающей, третьей части, озаглавленной “Основные ритуальные отношения”. Сакральное возникает в результате человеческих, социальных по своему характеру, взаимодействий, оно – порождение этих взаимодействий – выступает фундаментальной основой конкретного общества. Именно это положение он зафиксировал, сказав, что “нет религий, которые были бы ложными” [4].

Такого рода разработки создают мощный фундамент позициям о. П. Флоренского,

определявшего религиозный культ культурупорождающим фактором [20]. Сакральный стержень музыки и, через нее, искусства в целом составил мощную основу педагогического воздействия, которое породило емкую формулу Античности: музыка – “гимнастика души” [10]. Всеохватывающий гимнастический ритуал античного воспитания определил принципы дидактики для всех поколений человеческого сообщества, насыщая ритуальными стимулами все этапы образовательно-воспитательной деятельности.

В воспитательно-образовательном процессе календарная сетка академических концертов в музыкальных школах разных ступеней самой стабильностью хронологии и эмоциональным окрасом торжественности соотносит с ритуаликой календарных празднеств природопочитания в традиционном обществе. Ритуалика присутствует в процессе подготовки к таким концертам – в схеме построения урока, где прагматика подготовительной работы по “введению ученика в форму готовности”, включающая “разыгрывание” гамм, этюдов, отдельных “трудных мест” программы, соединена с психологическим тренингом “утоволения”, после чего следует прогон “музыкального приношения” как такового.

Напрашивается аналогия литургийным актам христианской службы, в которой уготовливающие к Евхаристии или тому, что ее символизирует, действия (ср. с Литургией Оглашенных в Православии, с сюжетом Тайной вечери в первой части баховского Пассиона) сменяются символикой жертвоприношения (Православная Литургия Верных, сюжет Иисусова Свершения во второй части Пассиона И. С. Баха).

Ритуал Посвящения, породивший множественные формы обрядов инициации, прослеживается в установленных праздниках Первого и Последнего звонков в школах общеобразовательных, в музыкальных – это Праздники посвящения в музыканты и торжественных завершающих актов, в которых смыслом является изменение социального статуса участников. А за этим преобразованием социальных параметров стоит сакральная идея Преображения, руководящая всеми воспитательно-образовательными усилиями субъектов соответствующей системы.

Ритуал как рудимент архаического общества актуализируется в посткультурном пространстве сегодняшнего дня, когда рационально-логические поведенческие принципы, доминировавшие в социуме в Новое время, в Новейшей истории очевидно сосуществуют в неосинкретическом качестве с подсознательными действиями, руководимыми архетипическими и мифологено-символическими, религиозными факторами. Музыкальная практика, изначально насыщенная религиозными и архаическими синкретическими способами выражения, в способах педагогической работы, в том числе и “самовоспитательных” мер творческого индивида, в формах художественного выражения обнаруживает ощутимые связи с ритуально-церемониальными акциями. А эти последние образуют существенную составляющую не только сферы профессиональной деятельности, но также и нечто желательное в коммуникативной практике социума в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. Байбурин. – С.-Петербург : Наука, 1993. – 253 с.
2. Большая психологическая энциклопедия тестов / [Гл. ред. А. Карелин]. – Москва : Эксмо, 2007. – 416 с.
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – Москва : Восточная литература, 2002. – 217 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, Глава 1.) / Э. Дюркгейм // Классики мирового религиоведения. Антология. – Т. 2. – Москва, 1998. – С. 174–230.
5. Законъ Божій. Репринтное издание. – Ленинград : Московская Патриархия, Ленинградское Епархиальное управление, 1990. – 723 с.
6. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. – Москва : Территория будущего, 2009. – 320 с.

7. Куницына В. Межличностное общение: Учебник для вузов / В. Куницына. – С.-Петербург : Питер, 2001. – 535 с.
8. Леви-Стросс К. Мифологики: В 4-х томах. – Т. 1: Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – Москва ; С.-Петербург : Университетская книга, 1999. – 406 с.
9. Лоренц К. Агрессия: так называемое зло / К. Лоренц. – Москва : Наука, 1994. – 246 с.
10. Лосев А. История античной эстетики. Ранняя классика. – 1-е изд. / А. Лосев. – Москва : Искусство, 1963. – 163 с.
11. Мосс М. Общества. Обмен. Личность / М. Мосс. – Москва : Восточная литература, 1996. – 416 с.
12. Обряд. Ритуал // Культура и культурология: Словарь [А. Кравченко, сост. ред.]. – Москва : Деловая книга, 2003. – 734 с.
13. Сорокин П. Эмиль Дюркгейм о религии / П. Сорокин // Новые идеи в социологии: Сб. 4. – С.-Петербург : Образование, 1914. – 80 с.
14. Теплов Б. Психология музыкальных способностей / Б. Теплов // Проблемы индивидуальных различий. – Москва : Изд. Академии наук РСФСР, 1961. – 326 с.
15. Топоров В. О ритуале. Введение в проблематику / В. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – Москва, 1988. – 300 с.
16. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
17. Фюстель де Куланж Н.-Д. Гражданская община древнего мира / Н.-Д. Фюстель де Куланж ; [Пер. с фр. под ред. проф. Д. Н. Кудрявского]. – С.-Петербург, 1906. – 495 с.
18. Холопова В. Музыка как вид искусства / В Холопова. – Москва : Научно-творч. центр “Консерватрия”, 1994. – 260 с.
19. Черных А. Ритуалы в медиатизированном обществе // препринт WP14/2012/03 [Текст] / А. Черных. Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 56 с.
20. Шапошников Л. П. А. Флоренский и современное православие / Л. Шапошников // Филос. науки. – Москва, 1987. – № 5. – С. 67–77.
21. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
22. Harrison J. E. Ancient Art and Ritual / J. E. Harrison. – London, 1951.
23. Robertson-Smith W. Lectures on the religion of the Semites / W. Robertson-Smit. – London, 1927.

REFERENCES

1. Baiburin, A. (1993), *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals], St.-Petersburg, Nauka. (in Russian).
2. Karelin, A. (2007), *Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya testov* [Most psychological tests encyclopedia], Moscow, Eksmo. (in Russian).
3. Gennep, A. (2002), *Obryady perekhoda: Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [Rites of transition: the systematic study of the rites], Moscow, Vostochnaya Literatura. (in Russian).
4. Durkheim, E. (1998), *Elementarnyye formy religioznoy zhizni. Totemisticheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life. Totemic system in Australia], *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya T. 2* [Classics of world religion. Anthology Vol. 2], Moscow. (in Russian).
5. *Zakon Bozhiy* [Act of God], (1990), Reprint issued, Leningrad, Moscow Patriarchate Diocesan Administration. (in Russian).
6. Collins, R. (2009), *Chetyre sotsiologicheskikh traditsii* [Four sociological traditions], Moscow, The territory of the future. (in Russian).
7. Kunicyna, B. (2001), *Mezhlichnostnoye obshcheniye* [Interpersonal communication], Textbook for high schools, St.-Petersburg, Piter. (in Russian).
8. Lévi-Strauss, K. (1999), *Mifologiki. V 4-kh tomakh*. T. 1. Syroye i prigotovlennoye [Mifologiki. In 4 volumes. T. 1. Raw and cooked], Moscow, St.-Petersburg, University book. (in Russian).
9. Lorenz, K. (1994), *Agressiya: tak nazyvayemoye zlo* [Aggression: the so-called evil], Moscow, Nauka. (in Russian).

10. Losev, A. (1963), *Istoriya antichnoy estetiki . Rannyyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early classics], Moscow, Iskusstvo. (in Russian).
11. Moss, M. (1996), *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Society. Exchange. Personality], Moscow, Vostochnaya Literatura. (in Russian).
12. *Obryad. Ritual*. [The Rite. Ritual] (2003), *Kul'tura i kul'turologiya* [Culture and culturology], a dictionary of A. Kravchenko, compl. ed., Moscow, Business book. (in Russian).
13. Sorokin, P. (1914), *Emil Dyurkgeym o religii* [Emile Durkheim on religion], *Novye idei v sotsiologii* [New Ideas in Sociology], St.-Petersburg, Obrazovanie. (in Russian).
14. Teplov, B. (1961), *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey* [Psychology musical abilities], *Problemy individual'nykh razlichiy* [Problems of individual differences], Moscow, Academy of Sciences of the RSFSR. (in Russian).
15. Toporov, B. (1988), *O rituale. Vvedeniye v problematiku* [About ritual. Introduction to the problems], *Arkhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [The archaic ritual in folklore and ancient literature monuments], Moscow. (in Russian).
16. Turner, B. (1983), *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Moscow. (in Russian).
17. Fustel de Coulanges, N.-D. (1906), *Grazhdanskaya obshchina drevnego mira* [The civil community of the ancient world], with Fr. Ed. Prof. D. Kudravskiy, St.-Petersburg. (in Russian).
18. Holopova, V. (1994), *Muzyka kak vid iskusstva* [Music as an art form], Moscow, Scientific and creative Center of "Konservatريا". (in Russian).
19. Chernykh, A. (2012), *Ritualy v mediatizirovannom obshchestve* [Mediatization rituals in society], National Research University of the Higher School of Economics], Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russian).
20. Shaposhnikov, L. (1987), *P. A. Florenskiy i sovremennoye pravoslaviye* [P. A. Florensky and modern orthodoxy], *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], Moscow. (in Russian).
21. Eliade, M. (1994), *Svyashchennoye i mirskoye* [Sacred and profane], Moscow, Izd-vo MGU. (in Russian).
22. Harrison, J. E. (1951), *Ancient Art and Ritual*, London. (in English).
23. Robertson-Smith, W. (1927), *Lectures on the religion of the Semites*, London. (in English).

УДК 78.031

Татьяна Каплун

**ИДЕАЛ МУЖСКОЙ СВЯТОСТИ В ДРЕВНЕКИЕВСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ
И ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ АНТОНИЯ И ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКИХ)**

В статье исследовано исторические и источниковедческие проблемы певческой службы святым Антонию и Феодосию Печерским. Рассмотрены особенности формирования культа древнерусских святых на агиографическом и богослужебно-певческом уровнях. Проведен анализ вербального и невменного текста указанных служб, который выделяет круг духовных качеств святых и характеризующие их мелизматические фигуры и попевки.

Ключевые слова: древнекиевская святость, Антоний и Феодосий Печерские, агиография, певческие рукописи, духовные качества, фитные фигуры, попевки.

Тетяна Каплун

**ІДЕАЛ ЧОЛОВІЧОЇ СВЯТОСТІ В ДАВНЬОКИЇВСЬКІЙ АГІОГРАФІЧНІЙ
ТА СПІВОЧІЙ ТРАДИЦІЯХ
(НА ПРИКЛАДІ ОБРАЗІВ АНТОНІЯ І ФЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСЬКИХ)**

У статті досліджено історичні і джерелознавчі проблеми співочої служби святым